
А. Нечаев

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Октябрьская революция, столетие которой приходится на этот год, представляет наибольший интерес под углом зрения тех «родимых пятен», которые унаследовала современная Россия от семи десятилетий коммунистического правления. Не все, но многие изъяны будущего советского строя были заложены именно в ходе государственного переворота 1917 г. и в первые постреволюционные годы.

Октябрь 1917 – что это было? В октябре 1917 г. партией большевиков был осуществлен насильственный захват власти. Его логичным продолжением стал разгон Учредительного собрания. Избранное на относительно свободных выборах оно должно было стать основой новой законодательной власти страны. Получившая меньшинство в составе Учредительного собрания РСДРП(б) пошла на его ликвидацию, что вскоре привело к длительной и кровопролитной Гражданской войне.

Нелегитимная власть могла сохраниться лишь путем использования массового террора, который был провозглашен в качестве официальной политики и многие годы оставался основой удержания власти. Свобода слова и иные принципы демократических свобод были ликвидированы, а инакомыслие пресекалось силой.

Правовой нигилизм, ставка на насильственное удержание власти и подавление инакомыслия – вот главное наследие, оставленное нам первыми революционными годами.

Модернизация на основе насилия. Гражданская война и политика «военного коммунизма» в духе ортодоксального марксизма-ленинизма привели к краху экономики России и обнищанию подавляющей части населения страны.

У лидеров государства во главе с В. Лениным хватило прагматизма допустить частичный возврат рыночных отношений (НЭП) при сохранении государственной собственности в крупной промышленности и политической диктатуры. Даже ограниченное использование

Андрей Алексеевич Нечаев – профессор, председатель партии «Гражданская инициатива» (г. Москва).

рынка позволило частично восстановить разрушенную экономику и ликвидировать угрозу массового голода.

После преодоления разрухи перед новыми лидерами государства во главе со Сталиным возникла необходимость модернизационного рывка. Предлагавшаяся группой Бухарина идея постепенной модернизации тяжелой промышленности на основе развития легкой, пищевой и иных ориентированных на потребительский спрос отраслей («ситцевая индустриализация») была отвергнута. Был взят курс на обеспечение средств для индустриализации за счет их насильственного изъятия из сельского хозяйства путем его принудительной коллективизации. Ее главной целью было обеспечение управляемости этого сектора для максимального изъятия из него ресурсов.

Следствием коллективизации стало уничтожение товарного сельского хозяйства, замена естественного товарооборота между промышленностью и аграрным сектором именно изъятием из него ресурсов. Важным побочным результатом использованной модели коллективизации было уничтожение (не только как экономического субъекта, но и частично физическое) крупного и среднего крестьянства – «крепкого хозяина», на котором держалось российское сельское хозяйство после столыпинских реформ. Из хозяев советские крестьяне превратились в наемных работников с мизерной оплатой труда.

Второй основой индустриализации послужило массовое создание лагерей принудительного, фактически рабского труда (ГУЛАГ). Принудительный труд распространялся и на деятельность ученых, инженеров и конструкторов («шарашки»). Ведущей мотивацией к труду в этой системе было физиологическое выживание. Параллельно через ГУЛАГ решалась задача политических репрессий в отношении граждан, хотя бы потенциально способных на инакомыслие, и создания атмосферы страха для принуждения к труду и низкому потреблению. Впрочем, уже через десяток лет после создания ГУЛАГа подтвердили неэффективность рабского труда, став в массе своей убыточными.

Массовый террор в отношении инженерных кадров и квалифицированных рабочих и служащих во многом способствовал хроническому невыполнению директивных хозяйственных планов. Аналогичный террор в отношении руководства армии (вплоть до среднего звена) наряду со стратегическими просчетами во внешней политике привел к колоссальным жертвам во время войны и разрушению значительной части промышленности в европейской части СССР.

В итоге модернизационный рывок 30–40-х годов был обеспечен за счет крайне низкого уровня жизни населения и частичного использования рабского труда на основе массового террора. Выбранная модель коллективизации фактически разрушила сельское хозяйство страны, приведя через пару десятилетий к необходимости постоянно нарастающего импорта зерна и продовольствия. Не получила разви-

тия промышленность, ориентированная на потребительский спрос, что привело к ее технологической стагнации и вынужденному наращиванию импорта потребительских товаров.

Жить стало лучше, жить стало веселее (ложь советской пропаганды). Массовое насилие и принудительно низкий уровень жизни сопровождались отдельными элементами показной псевдодемократии и активной пропагандой «советского образа жизни». Ее формы были разнообразны – от принятия внешне демократической, но не рассчитанной на применение, «сталинской Конституции» до иногда талантливо сделанных художественных произведений, рекламировавших поддержку народом «партии и правительства». В отношении творческой интеллигенции применялся принцип кнута и пряника – цензура, жесткий идеологический диктат и принудительное организационное объединение в творческие союзы (фактически особые ведомства) в сочетании с некоторыми подачками в виде квартир, дач, пайков и т.п.

Имитационная демократия выражалась в квотном принципе представленности в органах законодательной власти различных социальных групп населения при абсолютном преобладании членов КПСС. Принадлежность к партии была необходимым условием карьерного роста и базовым элементом социальных лифтов.

От застоя к развалу. Политическая и социально-экономическая модель, созданная Сталиным, фактически просуществовала до времен перестройки Горбачева. Единственным принципиальным отличием последующих режимов стал отказ от массового террора.

Эта модель управления неэффективно, но функционировала в условиях порожденного сталинским террором страха. Отказ от массовых репрессий уже снизил управляемость системы, которая, однако, сохраняла определенную устойчивость до демократизации страны Горбачевым и коллапса экономики СССР.

Построенная система управления позволяла реализовывать отдельные амбициозные проекты за счет мобилизации ресурсов на приоритетных направлениях (наиболее яркий пример – атомная и космические программы), но базировалась на низком уровне жизни и технологическом отставании от стран – лидеров в других областях. Вынужденный отказ в начале 60-х от нормированного потребления (фактически не только в ГУЛАГе) быстро привел к разбалансированности потребительского рынка, поскольку экономика была принципиально не в состоянии адаптироваться к изменению реального спроса. В 70-е и первой половине 80-х годов решать проблему удавалось путем наращивания импорта потребительских товаров за счет возросших доходов от экспорта нефти. Падение цен на нефть с 1986 г. быстро привело к коллапсу потребительского рынка и бюджета страны.

Есть ли основания для ностальгии и уроки для современной России? Определенный позитивный настрой в отношении СССР у части со-

временного российского общества определяется несколькими причинами. Главная из них – отсутствие достаточной информации и преимушественно позитивный образ СССР в официальной пропаганде.

Нынешняя власть де-факто активно возрождает в общественном сознании имперский синдром, который был основой политики и пропаганды в СССР.

Второй фактор – иллюзия социального равенства и социальной защищенности. В реальности и то, и другое – миф. Социальная защищенность обеспечивалась, но при крайне низком уровне потребления материальных благ и социальных услуг. Значительная часть сельского населения обеспечивала себя вообще за счет личного подсобного хозяйства. Исключение составляет, пожалуй, лишь сравнительно высокая доступность образования. Такая же иллюзия – и социальное равенство. Просто дифференциация в уровне жизни обеспечивалась не столько разницей в доходах, сколько доступностью потребления товаров и услуг «в натуре» – через систему пайков, талонов, ведомственных лечебных учреждений и мест отдыха, получения жилья и т.д. Сказанное не отменяет опасности чрезмерного социального расслоения в современной России.

Многие представители молодого поколения вообще путают определенную привлекательность социалистической идеи и социально ориентированной рыночной экономики с реальной практикой казарменного социализма советского образца.

Разумеется, прямые параллели между нынешней и предреволюционной Россией отсутствуют, а вот параллели с СССР на закате брежневской эпохи, увы, напрашиваются.

В экономической сфере – это повышенная зависимость от экспорта сырья и все большее неэффективное огосударствление экономики.

В политике – постоянное уменьшение реальной политической конкуренции, фактически удержание власти определенной группой путем использования на выборах всех уровней административного ресурса и прямых фальсификаций, де-факто отказа от выборности глав регионов и местного самоуправления.

В общественной жизни – ограничение свободы информации и иных демократических свобод, включая попытки контроля Интернета, преследования по политическим мотивам. Характерной особенностью современной российской действительности стала агрессивная, зомбирующая пропаганда государственных СМИ.

Во внешней политике – конфронтация с большинством демократических государств, агрессивная политика в отношении стран-соседей, прямое участие в вооруженных конфликтах.

Остается лишь надеяться, что эти параллели не приведут к аналогичному с СССР финалу.